

Н. Н. ТРОШИНА

(Институт научной информации
по общественным наукам РАН)

**ДИСКУРСООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ КОНЦЕПТОВ
(на примере концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА
в западно- и восточногерманских речевых практиках)**

Построение дискурса органически связано с особенностями лингвокультуры — как традиционными, так и формирующимися на данном конкретном историческом этапе существования нации, т. е. в определенной языковой ситуации. Эта природа дискурса особенно ярко проявляется в условиях настолько резкого изменения языковой ситуации, что носители одной национальной культуры оказываются в диаметрально противоположной политической, экономической и социокультурной ситуации. Такие резкие изменения произошли в Германии после Второй мировой войны. Сама жизнь осуществила удивительный эксперимент, доказывающий актуальность такого раздела языкознания, как лингвокультурология: это направление лингвистики ведет вовсе не к какому-то «мифу», как это пытаются представить авторы нашумевшего сборника «От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках этнической ментальности» [Павлова 2013]. Лингвокультурология важна, потому что она «исследует прежде всего коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996: 218].

Существенно, что «в эпицентре лингвокультурологии XX века оказался не только язык, но и дискурс, в которых разными языковыми и дискурсивными единицами представлен соответствующий образ мира» [Алефиренко 2010: 19]. Таким образом, объектом лингвокультурологии является система концептов и принятых в данной культуре речевых практик, выстраивающих дискурсы в различных сферах коммуникации в соответствии с тематически опорными концептами. Поэтому может сложиться языковая ситуация, когда при наличии *одной исходной общей культуры* (например, немецкой) формируются *две лингвокультуры* из-за того, что одни и те же понятия различно концептуализируются в условиях различных общественно-политических систем. Это задевает эмоциональное восприятие носителей дифференцирующихся лингвокультур, поскольку, в от-

личие от понятий, «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 1997: 41]. Именно это переживание и сопровождающая его интерпретация «направляются» в соответствии с общественно-политическим порядком в данном обществе. Это делается путем использования соответствующих речевых практик, обеспечивающих «нужную» подачу опорных концептов.

Таким концептом является концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как опорный дискурсообразующий феномен, играющий особо важную роль в современной истории не только Германии, но и мира: год назад — 9 ноября 2014 г. — широко отмечалась 25-я годовщина падения Берлинской стены, построенной 13 августа 1961 г. Дата «9 ноября» буквально врезалась в память немецкого народа как судьбоносная (*Schicksalstag*), так как именно этот день отмечен важными событиями в жизни страны: 9 ноября 1918 г. произошло отречение от престола кайзера Вильгельма II и революция в Германии, в 1923 г. — нацистский путч, в 1938 г. — ночь еврейских погромов («хрустальная ночь»), в 1989 г. — падение Берлинской стены и открытие внутригерманской границы (*Mauerfall*, *Mauereröffnung*).

В речи восточных немцев слово *Mauer* использовалось только в неофициальном дискурсе, в официальном же было принято словосочетание *antifaschistischer Schutzwall*, а в повседневном общении — *Grenze*. На вопрос, заданный случайному прохожему, как пройти, например, на Ляйпцигерштрассе (там находился Центральный институт языкознания Берлинской академии наук), следовал ответ “Das ist Richtung Grenze”, но не “Richtung Mauer”, т. е. в ГДР в дискурсе СТЕНЫ слово “Mauer” было табуировано, его избегали: “Irgendwo war da schon eine Blockade beim Sprechen. Irgendwo war die Schere präsent, auch wenn man sie nicht benutzt hat. Irgendwas klickte — im Öffentlichen” — свидетельствует г-жа П. — профессор Высшей школы индустриального дизайна в г. Галле [Fix, Barth 2000: 498—499]. О постоянно ощущавшемся внутреннем давлении пишет также Беттина Бок [Bock 2005: 46]. Что же касается обозначения *antifaschistischer Schutzwall*, то над ним в частном общении просто смеялись [Fix, Barth 2000: 650].

Действительно, дискурс не только отражает существующий порядок в обществе, но и определяет его [Foucault 2000; Ahbe 2008], при этом «различные дискурсы характеризуют один и тот же объект различным образом, используя различные правила его представления. Создается различная перспектива для восприятия этого объекта» [Vublitz 2001: 256]. Так произошло и с объектом «Берлинская стена» и, соответственно, с концептом БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, перцептивные образы которой по-разному формировались в западно- и восточногерманском публичном дискурсе. Соответственно, был задан разный «вектор конфигурации смыслов, присущих всей тематической области» [Карасик 2010: 151] — в данном случае области «раз-

деленная Германия». Такие концепты, как ANTIFASCHISTISCHER SCHUTZWALL и SCHANDMAUER / KLAGEMAUER, возникшие в результате такого аксиологического расщепления первичного концепта BERLINER MAUER, В. И. Карасик называет «регулятивами поведения» [Карасик 2010:188], поскольку они составляют оценочную картину мира, отражают нормы и ценности, присущие данной лингвокультуре и предписывают определенное восприятие и реакции. Так, имплицатура, заложенная в концепте ANTIFASCHISTISCHER SCHUTZWALL, означает, что обвинения в нацистском прошлом предъявлялись немцам в западной Германии, но не в Восточной. Этому смысловому вектору соответствовали и другие концепты, в частности UNUMSTÖBLICHE MAUER, NICHTSOZIALISTISCHES WIRTSCHAFTSGEBIET (т. е. ФРГ).

Проблема языкового разделения, связанная не только с использованием в речи различных лексем, но и с различным восприятием концептов и, следовательно, с различной их вербализацией, всегда интересовала как западногерманских, так и восточногерманских лингвистов. Но поскольку обсуждение этой темы всегда было сильно политизировано, оно было и необъективно. Попытки объективного подхода к этой проблеме пресекались, причем по обе стороны Берлинской стены. Так, например, основной предписанный тезис западногерманской германистики был «В ГДР все плохо», что не соответствовало реалиям жизни. Однако когда Петер Кристиан Лудц — западногерманский политолог и германист, составитель справочника “DDR-Handbuch” [DDR-Handbuch 1975] — заявил, что в ГДР была совсем неплоха система социального обеспечения, он подвергся таким нападкам со стороны коллег, что покончил с собой. После его смерти справочник был переиздан в расширенном варианте.

Построение двух разнонаправленных дискурсов с опорным концептом БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА было результатом усилий не только журналистов и политологов, но и лингвистов по обе стороны этой Стены, в результате чего возник уже собственно лингвистический дискурс Стены, положениями которого пользовались политики также по обе стороны этой Стены. Дискурс Стены определялся изменениями в политической ситуации и применялся для научного обоснования «внутригерманского межкультурного дискурса», обеспечивавшего нужную для каждой стороны интерпретацию злободневного концепта.

Немецкий лингвистический дискурс Стены прошел три этапа в своем развитии, и каждый из них соответствовал задаваемому свыше направлению социальной перцепции концепта СТЕНА [Shethar, Hartung 1998]:

1) В 50—60-е гг., т. е. до возведения Берлинской стены (т. е. до 13 августа 1961 г.) и в первые годы ее существования, единство немецкого языка не обсуждалось лингвистами ГДР, лексические и не-

которые стилистические различия в речевой практике считались временными явлениями. Язык воспринимался как прочная основа единства нации. Однако западногерманские лингвисты уже тогда заговорили о языковом разделении Германии, обусловленном политикой ГДР.

2) В начале 70-х гг. стороны поменялись местами, так как ситуация в ГДР стабилизировалась и политическое руководство страны стало подчеркивать самостоятельный путь развития страны. Соответственно, стала пропагандироваться иная картина мира: немцы в ГДР — самостоятельная социалистическая немецкая нация, у нее свой немецкий язык. В связи с этим обострился вопрос о количестве национальных вариантов немецкого языка. Сколько их? Три, т. е. собственно немецкий (Binnendeutsch), австрийский и швейцарский? Или все же четыре — два немецких (в ГДР и в ФРГ), австрийский и швейцарский?

Вопрос о векторе языкового развития в двух немецких государствах, о формировании двух вариантов собственно немецкого языка оказал непосредственное влияние на лексикографическую практику, в частности на подготовку и выпуск нового «Словаря немецкого языка» (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache 1961—1977) под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штайница [Klappenbach, Steinitz 1961—1977] — словаря, который планировался как общенемецкий нормативный. Первые три тома были выпущены в соответствии с этой целью, однако в 1969 г. под влиянием концепции о существовании двух немецких государств (Zwei-Staaten-Theorie), принятой политическим руководством ГДР, составителям этого словаря надлежало внести свой вклад в дистанцирование от другого немецкого государства. Авторскому коллективу было предписано «представить лексический фонд немецкого языка на базе марксистско-ленинского мировоззрения» [Herberg, Ludwig 2013: 375]. Соответствующие дополнения и уточнения были внесены в словарные статьи, начиная с четвертого тома (с буквы М). Были подготовлены новые версии первых трех томов, так, например, было изменено толкование слова *Kosmopolitismus* «космополитизм»:

Kosmopolitismus, der; —, /ohne Pl./griech.›

Denkweise der Bourgeoisie, die den Menschen vornehmlich als Glied der ganzen Menschheit und nicht als einer staatlich selbständigen Nation mit dem Recht auf Selbstbestimmung und Unabhängigkeit betrachtet [Klappenbach, Steinitz 3, 1969]

Kosmopolitismus, der; —, /ohne Pl./griech.›

bürgerl. Ideologie von einem Weltbürgertum aller Menschen, die sich ursprünglich gegen die geistige Enge feudaler Kleinstaaterei richtete, heute jedoch von der imperial. Bourgeoisie zur Verschleierung ihres nationalistischen Vormachtstrebens und zur Zerstörung von Nationalbewußtsein und — kultur anderer Nationen propagiert wird [Klappenbach, Steinitz 3, 1973].

В Западной Германии экономическое и политическое укрепление ГДР не приветствовалось, в связи с чем западные лингвисты вынуждены были обосновать концепцию, важную для этого этапа внутригерманских отношений, — концепцию языка как средства, объединяющего нацию.

3) В конце 80-х гг. экономическая ситуация ГДР осложнилась, в связи с чем руководители ГДР проявили большую готовность к диалогу с Западом и вспомнили о языковом единстве нации. Значимость концепта ЕДИНЫЙ ЯЗЫК в гэдээровской картине мира выросла, значимость концепта СТЕНА, соответственно, упала.

В результате немецкая германистика пережила «двойной перелом» (*doppelte Wende*): в 70-х и в 80-х гг. XX в. [Shethar, Hartung 1998].

Было бы рискованно утверждать, что воздействие публичного и лингвистического дискурса за 40 лет отдельного существования ГДР и ФРГ привело к появлению двух вариантов немецкого менталитета (менталитет меняется очень медленно!), но влияние публичного дискурса на коммуникативное сознание немцев по ту и другую сторону Берлинской стены — это факт, подтвержденный многими немецкими исследователями. Коммуникативное сознание — это «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных требований, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [Стернин 2003: 265].

Любой язык находится под воздействием опыта и условий жизни его носителей, а они значительно различались в разделенной Германии. Как проницательно отмечает Р. Хопфер, «одно государство может заключить с другим договор об объединении, но 'присоединиться' к другому языку и к другой языковой практике невозможно» [Hopfer 1996: 94]. Эти различия были настолько ощутимы, что предлагалось создать социолингвистическую немецко-немецкую энциклопедию «Вессианский немецкий для осси», в которой восточным немцам (осси) разъяснялись бы особенности использования немецкого языка западными немцами (весси). Однако этот проект так и не был реализован.

Различия в речевой коммуникации оказались после объединения Германии настолько болезненными для немцев, что на их основе делались далекоидущие выводы о глубинных культурных различиях восточных и западных немцев, что воспринималось очень остро. Причина такой реакции заключалась в том, что на протяжении многих столетий Германия не существовала как единое государство и не была политически оформленной нацией: она воспринималась, прежде всего как культурная нация [Polenz 1998]. После объединения это дорогое для немцев культурное единство оказалось под вопросом

из-за различий в использовании языка (Sprachgebrauch), т. е. из-за различий дискурсивного характера. Именно эти различия привели к так называемому языковому бунту (Sprachrevolte), ярко проявившемуся в лозунгах и речах на массовых демонстрациях 1989—1990 гг. и в комментариях к этим лозунгам типа: “Wir haben unsere Sprachlosigkeit überwunden!”, “Das Volk hat seine Sprache gefunden!”

Одновременно обнаружались лексические и стилистические различия в речи западных и восточных немцев, например выражение “Fakt ist, dass...” (принятое в ГДР, но не употреблявшееся в ФРГ), но они довольно скоро сгладились, так как восточные немцы приняли (переняли) лексику и стиль (прежде всего стиль оформления письменных текстов), принятые в Западной Германии. Скоро, однако, выяснилось, что дело не столько в гдээрловской лексике, сколько в различном коммуникативном поведении. Как отмечает Г. Лерхнер, «прежние коммуникативные модели поведения с реализующими их языковыми средствами — именно из-за выработанного автоматизма их употребления — переносятся на новые ситуации, структурно сопоставимые, но совершенно иные в предметно-содержательном плане, причем это происходит незаметно для говорящего» [Lerchner 1992: 314].

Речевые практики, выработанные в ГДР, оказались неприменимы в объединенной Германии и привели к проблемам в речевом общении, чего никто не ожидал. На уровне речевого поведения, т. е. на дискурсивном уровне, возникли проблемы такой остроты, что писатель Кристоф Хайн сказал: “Ost- und Westdeutschland sind durch eine gemeinsame Sprache getrennt!” Но ведь еще до объединения Германии западные и восточные лингвисты пришли к общему мнению, что при сохранении языковой общности на территории Германии образовались две коммуникативные общности. Их особенности проявлялись не только в политическом дискурсе, но и в других ситуациях публичного общения. Так, например, в ГДР в школе и на производстве общение протекало в рамках ситуаций, которых не было в ФРГ: не было так называемого часа классного руководителя, на производстве не было мероприятий «по обмену опытом». В эйфории объединения это было упущено из виду и привело к коммуникативному и психологическому дискомфорту во взаимном восприятии, с сожалением констатируют Хорст-Дитер Шлоссер [Schlosser 1993] и Готтхард Лерхнер [Lerchner 1992]. Восточные немцы видели в своих западных согражданах самоуверенных зазнаек, не лезущих за словом в карман (Ein Ossi — ein Wort, ein Wessi — ein Wörterbuch), но при этом интеллектуально далеко не всегда оказывающихся на высоте, о чем свидетельствуют следующие «загадки»: Warum sagt man nicht “blöder Wessi?” — Man sagt ja auch nicht schwarzer Neger; Was erhält man, wenn man einen Wessi mit einem Ossi kreuzt? — Einen arroganten Arbeitslosen.

Западные немцы видели в восточных жалких неприспособленных нытиков (Jammerossi), а восточные территории называли Jammental-Ost «жалкий восточный край».

Неудивительно, что весьма скоро выросла и вошла в пословицы «стена в голове» (Mauer im Kopf), хотя сама Стена и была уже снесена. Уже пять лет спустя после падения Берлинской стены наступило отрезвление, и на вопрос, согласны ли вы с мнением “Die Mauer ist weg, aber die Mauer in den Köpfen wächst”, 67 % опрошенных ответили утвердительно и 31 % — отрицательно. На вопрос «Как вы оцениваете развитие ситуации после объединения Германии?» только 13 % восточных немцев ответили положительно, 53 % — отрицательно (по заказу еженедельника “Spiegel” провел институт “Emnid”) [Spiegel 1995].

Дискурс объединения постепенно трансформировался в дискурс разделения (Wiedervereinigungsdiskurs wurde zum Spaltungsdiskurs) [Pappert, Schröter 2008:157], т. е. «стена в головах» выстроилась в виде дискурсивной стены, опорой которой стали, прежде всего, концепты NEUE BUNDESLÄNDER, OSTDEUTSCH и концептуальные антонимы DEUTSCHLAND-OST — DEUTSCHLAND-WEST. Импликация, присутствующая в концепте NEUE BUNDESLÄNDER, отделяет население Восточной Германии от их западных сограждан. Это дискурсивное отделение подчеркивается использованием специальных речевых практик — нарочитым употреблением слова *ostdeutsch* в прессе. Так, например, если речь идет о Франкфурте-на-Одере, то обязательно указывается, что это Франкфурт в Восточной Германии, если — о Франкфурте-на-Майне, то географическое положение города не уточняется. Если речь идет об участии восточногерманских политиков в каких-либо европейских структурах, обязательно подчеркивается их «географическое происхождение»: “Petra Eiler ist die einzige Ostdeutsche in der Führungsetage der Europäischen Kommission” [Tagesthemen 17.09.2006]. Уточнение *westdeutsch* встречается гораздо реже.

По наблюдениям Петера фон Поленца, такая асимметрия в употреблении прилагательного *deutsch* была сформирована речевыми практиками в западногерманских СМИ уже до объединения Германии — с начала 80-х гг.: в сообщениях о каких-либо событиях в ФРГ слова *deutsch*, *Deutschland* употреблялись в одном контексте со словами *national*, *Nation*. По мнению П. фон Поленца, это противоречило Основному закону ФРГ, так как в этом Законе отсутствует определение немецкого языка как национального [Polenz 1993]. Так был запущен процесс языкового отчуждения западных и восточных немцев (*tiefgreifender Fremdwerdungsprozess*) [Stötzel 1991].

В новом политическом дискурсе сформировались и другие концепты, унижавшие достоинство восточных немцев: BUSCHZULAGE — надбавка к зарплате западногерманских специалистов, переехавших в новые федеральные земли, за работу в экстремальных условиях (как в африканском буше); OSTHALFTE, OSTELBIEN, OS-

SINEIEN, даже *KOHLONIE* (от фамилии федерального канцлера Гельмута Коля). При этом западногерманская территория называлась только *alte Bundesländer*.

Как же концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА воспринимается сегодня, уже 26 лет спустя после ее падения?

В связи с прошлогодним юбилеем газета “Thüringische Landeszeitung” опубликовала результаты опроса, проведенного Эрфуртским институтом маркетинговых и социальных исследований “Insa-Consulere” в октябре 2014 г. [Thüringische Landeszeitung 2014]. Оказалось, что каждый шестой немец, т. е. 16 % населения Германии (возрастная дифференциация не учитывалась), выступает за возвращение Берлинской стены, из-за которой было столько споров до и после объединения Германии, и поддерживают мнение “Nein, die Mauer wieder her, dann hat jeder seine Ruhe!” Таким образом, концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА положительно коннотирован для 16 % населения Германии. Вернуть Стену призывают не только отдельные (хотя и весьма многочисленные) граждане на востоке и на западе страны, но и целые политические структуры, например «Партия пиратов Германии» и партия «Альтернатива для Германии». Говорят уже не только о «стене в головах», но даже и о «баррикадах в головах». Импликация, вложенная в эту когнитивную метафору, понятна: «Мы готовы к борьбе». Социологи видят причину такого поворота в восприятии концепта СТЕНА прежде всего в разочаровании и восточных, и западных немцев, а также в трудностях социальной, культурной и языковой адаптации друг к другу, т. е. обращают внимание именно на лингвокультурологический аспект этой проблемы.

Судя по данным этого опроса, концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в ментальном словаре немцев оказался гораздо более устойчивым, чем сама Стена.

Однако в ситуацию вмешивается поколенческий фактор: за минувшие 26 лет выросло новое поколение — так называемые *Wendekinder*. Эти молодые люди из западных и восточных областей Германии беспрепятственно общаются друг с другом, в результате чего вырабатываются новые — общие — речевые практики, объединяющие современных носителей немецкого языка в лингвокультурном отношении. Новая лингвокультура взаимодействует с традиционной немецкой культурой.

Наметившаяся тенденция подтверждается данными проведенного в сентябре 2015 г. опроса на тему: “War die Wiedervereinigung aus heutiger Sicht Ihrer Meinung nach richtig oder nicht richtig?” [Wiedervereinigung-Umfrage]. 90 % опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет считают, что объединение Германии — это пример для других стран. Поэтому есть шанс, что дискурсивная стена когда-то рухнет так же, как рухнула 26 лет назад реально существовавшая Берлинская стена, а вместе с ней потеряет свою актуальность для немецкого ментального лексикона концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА.

Литература

- Алефиренко 2010 — *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
- Карасик 2010. — *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010.
- Павлова 2013 — От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» / Сост. А. В. Павлова. СПб., 2013.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин 2003 — *Стернин И. А.* Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: Проблема разграничения // Языковое сознание: Устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 29—31 мая 2003. М., 2003. С. 264—265.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
- Ahbe 2008 — *Ahbe T.* Ost-Diskurse: Das Bild von den Ostdeutschen in den Diskursen von vier überregionalen Presseorganen 1989/90 und 1995 // Diskursmauern: Aktuelle Aspekte der sprachlichen Verhältnisse zwischen Ost und West. Bremen, 2008. S. 21—53.
- Bock 2005 — *Bock. B.* Die Ordnung des Diskurses und die Rolle des Schweigens in der DDR // Germanistische Beiträge: Sprachbiographien: Interviews und Analysen. Leipzig, 2005. S. 39—53.
- Bublitz 2001 — *Bublitz H.* Differenz und Integration: Zur diskursanalytischen Rekonstruktion der Regelstrukturen sozialer Wirklichkeit // Handbuch sozialwissenschaftlicher Diskursanalyse. Opladen, 2001. S. 225—260.
- DDR-Handbuch 1975 — DDR-Handbuch / Hg. v. Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen, 1975.
- Fix, Barth 2000 — *Fix. U., Barth D.* (unter Mitarb. von Beyer F.). Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. Frankfurt a. M., 2000. 719 S.
- Foucault 2000 — *Foucault M.* Die Ordnung des Diskurses: Mit einem Essay von Ralf Konersmann. 7. Aufl. Aus dem Franz / Übers. von W. Seifert. Frankfurt a. M., 2000.
- Herberg D., Ludwig K.-D. 2013 — *Herberg D., Ludwig K.-D.* Germanistische Lexikographie in der DDR: Ergebnisse, Wirkungen, Probleme am Beispiel des “Wörterbuches der deutschen Gegenwartssprache” // Positionen der Germanistik in der DDR: Personen — Forschungsfelder — Organisationsformen. Berlin, Boston, 2013. S. 363—386.

- Hopfer 1996 — *Hopfer R.* Wessianisch für Ossis. Vorschläge für eine soziolinguistische deutsch-deutsche Enzyklopädie // Von “Buschzulaige” und “Ossinachweis”: Ost-West-Deutsch in der Diskussion. Berlin, 1996. S. 94—109.
- Lerchner 1992 — *Lerchner G.* “Broiler”, “Plast(e)” und “Datsche” machen noch nicht den Unterschied.: Fremdheit und Toleranz in der plurizentrischen deutschen Kommunikationskultur // Sprachgebrauch im Wandel: Anmerkungen zur Kommunikationskultur in der DDR vor und nach der Wende. Frankfurt a. M. etc., 1992. S. 297—332.
- Pappert, Schröter 2008 — *Pappert St., Schröter M.* Der Vereinigungsdiskurs als Spaltungsdiskurs in der Spiegelberichterstattung 1990—2000 // Diskursmauern: Aktuelle Aspekte der sprachlichen Verhältnisse zwischen Ost und West. Bremen, 2008. S. 157—177.
- Polenz 1993 — *Polenz P. von.* Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989: Ein Forschungsbericht nach drei Jahren vereinter germanistischer Linguistik // Zeitschr. für germanistische Linguistik. Bd. 22. Hildesheim, 1993. S. 127—149.
- Polenz 1998 — *Polenz P. von.* Zwischen “Staatsnation” und “Kulturnation”: Deutsche Begriffsbesetzungen um 1800 // Sprache und bürgerliche Nation. — Berlin; New York, 1998. S. 55—70.
- Schlosser 1993 — *Schlosser H.-D.* Die ins Leere befreite Sprache: Wendetexte zwischen Euphorie und bundesdeutscher Wirklichkeit // Muttersprache. Wiesbaden, 1993. Jg. 103. H. 3. S. 219—230.
- Shethar, Hartung 1998 — *Shethar A., Hartung W.* Was ist “Ostjammer” wirklich? Diskursideologie und die Konstruktion deutsch-deutscher Interkulturalität // Sprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung. Frankfurt a. M., 1998. S. 39—66.
- Spiegel-Umfrage 1995 — Spiegel-Umfrage Viele Ostdeutsche trauern den alten Zeiten nach // Spiegel. Hamburg, 1995. H. 27. S. 41.
- Stötzel 1991 — *Stötzel G.* Entzweiung und Vereinigung: Antworten der Sprache auf die deutsche Frage // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. H. 67: Die deutsche Frage: Sprachwissenschaftliche Skizzen. Paderborn, 1991. S. 2—20.
- Thüringische Landeszeitung-Umfrage — Thüringische Landeszeitung-Umfrage. Режим доступа: <http://www.n-v.de/ticker/Umfrage-Gut-jeder-sechste-Deutsche-will-Mauer-zurueck-article13927951.html>
- Klappenbach, Steinitz 1961—1977 — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hg. v. R. Klappenbach, W. Steinitz. Bd. 1—6. Berlin, 1961—1977.
- Wiedervereinigung-Umfrage — Wiedervereinigung-Umfrage. Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/70636/umfrage/beurteilung-der-wiedervereinigung/>

ZUSAMMENFASSUNG**Konzepte als Diskursstützen (vergleichende Analyse des MAUER-Konzepts in den westdeutschen und ostdeutschen Sprachpraktiken)**

Nach der Wende sind die Unterschiede in der kulturellen Spezifik des Sprachgebrauchs in Ost- und Westdeutschland deutlich geworden. Sie haben auch die Besonderheiten bei der Interpretation des diskursprägenden Konzepts BERLINER MAUER bedingt. Die Ergebnisse der jüngsten soziologischen Umfragen lassen aber schlussfolgern, dass heute neue kulturelle Normen für den Sprachgebrauch entstehen, die die Sprachträger im Osten und Westen kommunikativ vereinen.